

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Прошло уже полтора года с того момента, как на 35-м году жизни не стало **Елены Валентиновны ШВАЧКО** — талантливого ученого и прекрасного преподавателя.

С 1994 года и до последних дней жизни Е.В.Швачко — психолог, кандидат социологических наук — работала на кафедре психологии Киевского государственного лингвистического университета, ученое звание доцента было присвоено ей в 1997 году.

Основной сферой научных интересов Елены Валентиновны были исследования феномена толерантности как социальной ценности и системы отношений в малых группах молодежи. Разработанный ею оригинальный метод микросоциометрии успешно применяется в социально-психологических исследованиях и в практической работе преподавателей.

Елена Валентиновна ушла из жизни на взлете своих творческих сил. Остались неопубликованными написанные ею статьи, программы и методические рекомендации. Оборвались планы развития новых методик и исследований.

Редакция нашего журнала, отдавая дань памяти коллеге, подготовила статью по материалам научно-исследовательского поиска Елены Швачко, представленным ее отцом Валентином Ивановичем.

Толерантность как психолого-социальный феномен

Abstract

The tolerance term has been analyzed in the context of general humanity and history. There are presented a series of findings related to the nature of tolerance and social grounds of its formation in the young people's consciousness. The psychological mechanism of the tolerance development and implementation was studied in small test groups of young people.

В истории обществоведения издавна существовала тенденция поиска механизмов гармонизации социальных отношений. Эта тенденция развивалась преимущественно в русле гуманистических направлений, которые, в

противовес принципам насилия, непримиримости, вражды и отрицания компромисса предлагали идею **толерантности** (от лат. *tolerantia* — терпимость) в отношениях со всеми “Другими”, отличающимися по индивидуальной или групповым признакам. И хотя нетерпимость неминуемо сопровождала экономические и политические кризисы в любой стране во все времена, толерантность всегда оставалась универсальной общечеловеческой ценностью и основой для развития собственно человеческих контактов на разных уровнях: во взаимоотношениях между отдельными личностями, между различными по организации социальными группами, между народами и государствами.

Однако до недавнего времени в отечественном обществоведении толерантность фактически не исследовали: сказывались идеологические ограничения того времени, когда обществоведение воспроизводило догмы социальной непримиримости. Даже в случае признания толерантности как почвы для построения контактов разного уровня (принцип “мирного сосуществования”) это не подкреплялось всесторонним изучением содержания явления в комплексе объективных и субъективных факторов. Следует отметить также сложность самого феномена толерантности, детальное изучение которого возможно только при междисциплинарном подходе на стыке психологии, этики и социологии. Но такой подход требует усовершенствования экспериментальных методов исследований, поскольку традиционные методы как психологии, так и социологии мало пригодны для этого.

В предлагаемой статье обобщены результаты исследований, выполненных автором в последнее время и направленных на выявление природы толерантности и социальных условий ее формирования в молодежном сознании [1–15]. Для исследований была выбрана такая особая социально-демографическая группа в структуре общества, как молодежь, не случайно: от ее гражданской позиции и зрелости в значительной мере зависит будущее страны.

Определение понятия толерантности

В обыденном понимании содержание толерантности ассоциируется с пассивностью, неспешностью и несопротивлением. На биопсихическом уровне толерантность рассматривается как элементарная форма адаптации индивидов к окружающей среде путем ослабления реагирования на раздражители, которые могут вызывать фрустрацию.

В справочниках по психологии толерантность определяется как отсутствие или ослабление эмоционального реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор вследствие снижения чувствительности к его влиянию [15]. В литературе, посвященной роли этико-культурных ценностей в общественном сознании, категорию толерантности, к сожалению, зачастую используют только в контексте других социально-психологических феноменов. К тому же, хотя механизм толерантности иногда и подается описательно, само явление констатируется опосредованно, в основном средствами дефиниций-синонимов или же операционально.

Справочники по социологии утверждают, что толерантность — это терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, взглядам, идеям, верованиям. Ее антиподами считаются авторитаризм и тоталитаризм с их идейным “абсолютизмом”, верой в исключительное обладание

высшей и неопровержимой истиной и одним-единственным рецептом достижения благосостояния и счастья [16].

Из литературных источников известно также, что диапазон трактовки понятия толерантности очень широкий — от постулирования как практически ничем не ограниченного принципа в разных анархистских концепциях до суженного понимания, в котором учитываются аспекты общественного и индивидуального здоровья, морали, законности и т.п.

В контексте философской традиции толерантность фактически отождествлялась по смыслу с проявлениями умеренности и покорности, любви и согласия, понимания и готовности к прощению.

В рамках ортодоксальной марксистской социологии толерантность определяли с идеологических позиций как “беспринципность”, “отказ от борьбы” и фактически отвергали: несмотря на признание важности терпимости для гармоничного развития контактов различной формы — от межличностных до межгосударственных — в литературе того времени можно встретить лишь отдельные определения толерантности либо в контексте характеристик адаптации [17], либо в системе “основных демократических принципов” [18]. Безусловно, актуальность терпимости соответствует приоритету общечеловеческих ценностей, а не классовых — как это провозглашалось до недавнего времени, и как раз демократическое государство является необходимым условием для стимулирования толерантности в социальных отношениях.

Нетерпимость к образу жизни, характеру поведения, культуре других социальных слоев и отдельных людей продолжает существовать в пределах “обыденной морали” и обостряется в периоды экономической и политической нестабильности. Проблема заключается в том, чтобы определить, возможно ли и каким образом максимально сгладить имеющиеся коллизии между ценностными ориентациями различных социальных групп, с одной стороны, а с другой — согласовать вербальное утверждение нравственности с определенным вариантом объективного выбора стратегии поведения субъектов.

Теоретически такое согласование осуществляет мораль с помощью норм, принципов и ценностей, а практическое решение проблемы закрепления терпимости в системе образцов поведения во взаимоотношениях с другими людьми предполагает анализ циркулирования специфических моделей в сознании субъектов. Актуализация данных моделей — условно “информационной” и “концептуальной” (построенной на “информационной” путем обобщения явлений социальной действительности и конкретных событий в рамках коммуникации) — происходит на фоне разворачивания рефлексии и идентификационных процессов. Поэтому толерантность корректно определять через понятие “логического конформизма” [17] или “эгоальтруизма” [18] партнерских ориентаций — как проявлений своеобразной этической мобильности индивидов. Действенность социальной терпимости раскрывается на уровне мировоззренческих позиций и отражается в поступках.

Исторический взгляд

Явление толерантности в историческом аспекте можно анализировать по двум условным взаимосвязанным линиям, иллюстрирующим логику развития дизъюнктивных и конъюнктивных процессов в социуме. Напри-

мер, первые формы осознания нашими пращурами принадлежности себя и партнеров по общению к одной группе обуславливают появление терпимости конъюнктивного типа и в результате формирование определенной общности “Мы”, хотя, согласно законам биологической эволюции, кто-то “Другой” (“не-Я”) составляет естественную конкуренцию в процессе выживания.

Современное этологическое направление, претендующее, в частности, на анализ социальных феноменов, раскрывает предпосылки евангельского завета относительно толерантности, что выражается в парадоксальной невозможности отвечать ударом на удар. Оказывается, “подставление врагу второй щеки”, то есть добровольное раскрытие собственной уязвимости, — древний, вплоть до уровня инстинктов, ритуал прекращения схватки или борьбы, биологически закодированное препятствие использованию данного природой оружия для поражения себе подобного [19].

На примере фактических социальных противоречий объяснение дизъюнктивных тенденций, имеющих в обществе и влияющих на коррекцию ценности толерантности, может выглядеть следующим образом. Во-первых, пропасть между людьми, вырытая разделением труда [20, с. 97], и обесценивание человеческого мира в прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей [21, с. 87–88]. Во-вторых, отчуждение труда, как и его продукта, приводит к отчуждению родовой жизни человека, а значит, — к отчуждению человека от человека и человека от самого себя. Это отчуждение, как правило, связывается с противопоставлением производящего и присваивающего, рабочего и не-рабочего. Но в методологическом плане, по-видимому, важнее анализ эффектов самоотчуждения, выявляемого в целом лишь в отношении человека к другим людям [21, с. 95]. Однако разъединительные тенденции в социуме относительны, так как в действительном мире метафизические полярные противоположности существуют только во времена кризисов [22, с. 420]. Если, к тому же, предположить, что “общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека” [23, с. 138], то “борьба всех против всех” вряд ли выглядит абсолютной. Эту же версию выдвигает и П.Сорокин, констатируя тот факт, что, например, внутригрупповой конфликт — явление исключительное и относительно редкое, иначе исторический процесс постепенного расширения “замиренных социальных кругов” был бы немислим и человечество, находившееся в непрерывной взаимной борьбе, исчезло бы [24, с. 142].

В обзоре истории поисков содержательных эквивалентов толерантности можно выделить особые типологические конструкции в ракурсе гуманистических установок. Проблему закрепления данной ценности так или иначе затрагивают большинство гуманистических концепций. Итак, попытаемся обобщить основные направления трактовки рассматриваемого феномена.

В системе этических взглядов Древнего мира принципиальным считалось культивирование умеренности, нашедшее свое обоснование и в гномах-проповедях Фалеса и Солона, и в учении об эвтюмии Демокрита, и в воззрениях Сократа [25; 26]. Последнему Платон приписывает высказывания о значимости чувственной толерантности, базирующейся на представлении о том, “что красота одного тела родственна красоте любого другого и

что если стремиться к идее прекрасного, то нелепо думать, будто красота у всех тел одна и та же” [18, с. 16].

Апелляция к Богу, ориентация на перспективу наказания за грехи, тождественные нарушению установленных норм, — таков типичный для Средневековья метод контроля поведения и одновременно закрепления терпимости в жизни общества. Большое влияние на деятелей патристики оказал Филон Александрийский, сформулировавший традиционный для религиозного мировоззрения постулат толерантности, связанный с утверждением своеобразного равенства людей — равенства перед Богом [25]. Но земной человек эпохи Ренессанса, сближаясь с Богом, уже поднимался в представлении современников до уровня титана [27]. Однако для мировоззренческой традиции Великого Инквизитора [29] оказалось характерным стремление усреднить, унифицировать окружающих, уничтожить индивидуальное своеобразие. Филавтия становится новым принципом построения отношений, проявляясь на уровне личностного, коллективного или классового центризма.

Проблема всеобщего равенства, предполагающего наличие толерантности как формы унификации [16], позже нашла отражение в теории эгалитаризма, популярной еще со времен буржуазных революций; этот принцип развивается в современных концепциях, пытающихся найти компромисс в решении вопросов о равенстве возможностей и равенстве результатов. И все же, ясности в принципах построения общества на основе идеалов эгалитаризма пока не существует [28]. “Люди неравны как в своей физической силе, так и в талантах, и тем не менее, — писал Э.Дюркгейм, — мы стремимся признавать за ними всеми одинаковую нравственную ценность”. И далее: “нравственный эгалитаризм — это идеальный предел, который никогда не будет достигнут, но мы все более приближаемся к нему” [29, с. 110].

Понимание самоограничения как способа удовлетворения сугубо человеческих потребностей и метода построения гармонических отношений в обществе типично, с определенными оговорками, для культуры Индии, где ненасилие как образ жизни имеет глубокие основания и трактуется в качестве абсолюта, детерминирующего общественную и индивидуальную формы бытия [30]. Достоинства принципа ахинсы, связанного с “законом любви” и “законом страдания” [31], получили подтверждение, в частности, в борьбе индийского народа за независимость. Дж.Неру утверждал, что в понятие ахинсы вкладывается конкретный смысл, раскрывающийся на примере стремления личности обуздать гнев и ненависть, избежать агрессивных помыслов и поддержать самодисциплину, но отнюдь не провозглашается физическое воздержание от насильственных действий, когда они становятся необходимыми и неизбежными. М.Ганди, например, не отошел от борьбы и не смог последовать за Р. Тагором в “уединенный уголок поэта” [32, 234], поскольку в неоиндуизме постулат “участия” воспринимается в качестве священного долга так же, как и постулат “помысливания”.

Толерантность оказывается связанной с активностью, поступками. П.Сорокин замечал, что терпимость “обычно путают с пассивным воздержанием от действия”, хотя “толерантность может требовать весьма серьезного внутреннего усилия, часто гораздо более серьезного, чем требуется для открытых действий” [24, с. 195]. Г.Зиммель (пожалуй, первый европейский социолог, который обратился к анализу конкретных взаимодействий между людьми), определял тактичность как установку толерантности, заключаю-

щуюся в “ограничении индивидуальных порывов там, где этого требуют права других” [34, с. 173].

Анализируя исторические интерпретации особенностей толерантности на различных уровнях социальных связей, следует вспомнить, что законы микро- и макрокосмоса, систем “человек–мир” осмысливались еще в древности. Проблемы “человек в мире вещей” и “человек в мире людей” требовали своего разрешения на практике. Поэтому уже у Цицерона, частично под влиянием скептицизма, феномен нравственности исследуется в конкретных отношениях между людьми, гармоничное развитие которых обеспечивается толерантностью [25]. Во времена Средневековья патристика представляла коллизии человеческих страданий, порожденных противостоянием идеологий эпох рабства и феодализма, борьбой светского и священного [26], недостижимостью идеала (Бога) для человека, существующего реально. Терпение и терпимость регламентировались религиозной догмой. Но христианская идея любви уже в ранних произведениях Данте приобретает новый, “естественный” смысл: через утверждение не только божественного, но и к земного. Возрождение великой любви связано у Данте с духовным обновлением человека и преобразованием общества [35].

Позже и Т.Гоббс, и Дж.Локк, и Ж.-Ж.Руссо, в попытке устранить противостояние общества и государства, искали, в частности, принципы восстановления специфического согласия, подобного религиозному в Средние века [39]. В учении Г.Сковороды Библия предстает образцом для построения социальных отношений. Круг Любви очерчивается у Сковороды звеньями от человека к человеку через Бога [18], а проблема нахождения “гармонического равновесия” (толерантности) виделась разрешимой только для тех, кто “врагов любят, добро воздавая врагам, для других здорове гублят, не только добры другам” [37, с. 49].

По-видимому, ближайшим в нравственной сфере синонимом толерантности оказывается именно категория “любви”, рассмотренная в ракурсе толкования мировоззренческих установок отношения человека к человеку. Определить сущность перехода одного из упоминавшихся феноменов в качество другого необычайно сложно, ведь толерантность предполагает наличие навыков восприятия ценности отличного от мира “Я” мира других людей и проникновение в этот мир, а любовь обречена учитывать условие обязательности терпения, балансируя на грани равновесия потребностей вовлеченных в ситуацию отношения индивидуальных позиций. В контексте исследования взаимозависимости толерантности и любви логично возникает новая пара понятий — “эгоизм” и “альтруизм”. По некоторым предположениям, термин “альтруизм” появился только в XIX веке в учении О.Конта.

Феномен любви — фактически толерантности как способности к преодолению социального эгоизма — нашел отражение в трудах философов “космистов”. Эгоизм и альтруизм — диалектические антиподы, проявления позиционных крайностей отношений. Толерантность способствует нахождению конструктивного набора “золотой середины”, когда “нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех” [28, с. 153]. “Знать лишь себя есть зло, — писал Н.Федоров, — знать только других есть добродетель, которая указывает на существование зла в обществе, но не устраняет его” [18, с. 154]. Важно уточнить: толерантность, за счет которой “уравновешиваются” крайности ориентационных позиций, необходима как в межличност-

ном, так и в межгрупповом общении. Однако часто “под любовью к одним (как, например, к бедным) скрывается обыкновенно ненависть к другому (к богатым)” [18, с. 67]. Поэтому возникает особо острый вопрос о социально-экономической основе толерантности.

Пожалуй, наиболее интегративное представление о социальной специфике терпимости в ракурсе “космической” доктрины присуще В.Соловьеву, констатирующему: “Если отношения индивидуальных членов общества друг к другу должны быть братские..., то связь их с целыми общественными сферами — местными, национальными... должна быть еще более внутреннею, всестороннею и значительною” [38, с. 55]. Для социологического обобщения В.Соловьев вводит элементы этики, рассуждая о развитии исторического процесса в направлении стимулирования терпимости — от индивидуальной до общественной. В результате актуализации толерантности в обществе повсеместно разрушаются “ложные или недостаточные формы человеческих союзов (патриархальные, деспотические, односторонне-индивидуалистические)” [38, с. 55–56], но при наличии начального (личностного) признания за другими существами безусловного значения. “Таким образом, — писал С.Франк, — великий нравственный принцип любви к ближнему, хотя бы лишь в ослабленной, умаленной форме простого усмотрения в другом человеке “ближнего”, “себе подобного”, интуитивного восприятия его ... как тождественного мне существа, с участью которого связана моя собственная участь, сочувственного сопереживания — различного по степени интенсивности, но тождественного по качественному существу ... этот принцип есть незыблемая и вечная основа, без которой немислимо никакое общество” [39, с. 113].

Фактически противопоставляет принцип любви принципу улучшения материального положения общественных классов и наций на пути к единству П.Тейяр де Шарден. Согласно его теории, близость как космическое чувство способно реализовать прием “персонализации” в тотальности общества и снять “антиперсоналистский” комплекс, парализующий человека [40]. Таким образом, “всеобъемлющая” любовь провозглашается в качестве абсолюта.

Специфику взаимосвязей людей на микроуровне социальной системы, как известно, подробно исследовали в рамках достаточно влиятельного в социологии направления интеракционизма и теории ролей. По мнению Дж.Мида, устойчивость общества в целом, подготовка к сотрудничеству в рамках организованных групп определяется наличием у индивидов способности “репетировать в воображении” линии своего поведения по отношению к другим людям, отбирая необходимые модели [41]. Г.Блумер, рассматривая общество как символическую интеракцию, писал об эффекте интерпретации [42], характеризующем процесс придания значения поступкам субъектов, участвующих в групповом действии. В этом контексте речь идет, по-видимому, именно о конкретных установках толерантности.

Находящийся в центре внимания социологов с конца XIX века конфликты отношений микроуровня социальной системы продолжают оставаться актуальными и в современной ситуации общественного развития, наряду с так называемыми “глобальными” проблемами. В XX веке человечество оказалось на грани выживания. Мировое сообщество потрясли катаклизмы нетерпимости, когда здоровые идеи социального и национального

возрождения в лозунгах построения справедливого строя превращались в свои антиподы, толкающие мир к тоталитаризму. Нетолерантность — закономерное и естественное порождение кризисных явлений, социальной нестабильности, снижения жизненного уровня населения и т.п. Во времена революций, войн и “всеобщей борьбы”, очевидно, не было условий для закрепления толерантности, равноправного существования различных точек зрения и позиций [см., в частности 43]. Насилие и нетерпимость проявили себя не только в репрессивной практике авторитарных режимов, но и в распространении административных методов построения социализма в хозяйственно-экономической, социально-политической и духовно-моральной жизни, в культуре и воспитании. Противоречие между идеалами и средствами управления, как отмечает Л.Буслаева, “не способствовали продуктивному диалогу в поиске оптимальных решений, взаимопониманию, гармонизации различных интересов и организации согласованных действий, с учетом реального бытия и сознания разных социальных групп” [44]. Добавим: тщетными оказались намерения зафиксировать интерес общественных наук к проблеме толерантности при господствующих в обществе жестких установках культа непримиримости.

Рассмотрим особенности проявления терпимости в конкретных взаимодействиях. Определяя государство как “своего рода общения” [45, с. 112] и усматривая в человеке “общественное животное”, нуждающееся в поддержке со стороны окружения, Аристотель называл нравственность средством разрешения политических проблем во имя умножения счастья граждан. Согласно древним конфуцианским текстам, касающимся трактовки социальных отношений (и, как замечает П.Сорокин, являющимся преимущественно “не политическими, не философскими по своему характеру, но определенно социологическими” [24, с. 176]), эта сфера отношений предполагает почтительность, благодетельность и взаимность, а также ритуал, церемонии, поэзию и музыку как средства социального контроля. Древнекитайские источники знакомят со своеобразной классификацией проявлений человеколюбия (жень), причем взаимосвязи между людьми “вообще” анализируются только во вторую очередь, а основное внимание уделяется социально наиболее веским контактам между близкими родственниками, друзьями, государями и чиновниками [18].

Позже в Ветхом и Новом Заветах были провозглашены главные принципы морального учения христианства, регламентирующие специфику социального поведения людей. Новый Завет модернизировал моральные требования Ветхого Завета и точно определил меру вознаграждения или наказания для верующих [49]. В Нагорной проповеди Христа блаженными называются кроткие, милостивые, миротворцы; выделяются правила “обращения с ближними” в рамках неосуждения, прощения, милосердия и любви. Знаменательно, что в Заветах фокусируется внимание на принципе “обратной связи” при построении человеческих отношений, в частности межличностных. К примеру, “прощайте, и прощены будете” или “не делайте другим того, чего себе не желаете”. “Нормы Нагорной проповеди, — комментирует П.Сорокин, — обычно интерпретируются как призывающие к бездеятельности и пассивности, на самом деле предписывают метод активной толерантности — через любовь к своим врагам, подставление другой щеки и несопротивление ненависти и враждебности” [22, с. 195].

В XVII веке Г.Гроциус и С.Пуфендорф выдвигают теорию веротерпимости в международном праве [46]: считалось, что войну следует вести только с целью защиты от нападения, необходимо щадить побежденных и придерживаться определенных соглашений, не устанавливая силой контакты между странами. Законы, регулирующие совместную жизнь людей, вводятся для обеспечения и сохранения мира. Государственная власть призвана оградить население от эксцессов, характерных для “естественного” состояния индивидов [45]. В то же время Г.Лейбниц в предисловии к “Дипломатическому кодексу международного права”, затрагивая вопросы специфики моральных установок мирного и счастливого сосуществования людей, обнаруживает закономерности связи справедливости, милосердия, благорасположения и любви [18]. Вероятно, в вышеуказанных категориях нравственности по смыслу отобраны и элементы толерантности. Заметим, что Лейбниц пытался ввести своеобразный компонент “рассудительности” в моральность и приблизиться к исходным субъект-субъектным закономерностям в ее основе.

У Г.Гегеля можно найти достаточно четкую схему диалектического взаимопонимания “Я” и “не-Я”. Согласно этой схеме, толерантность в терминах человеческой любви фиксируется при помощи “обратной связи”, принцип построения которой приведен еще в религиозных заветах. Оказывается, “поступая по отношению к другому справедливо, я тем самым рассматриваю его как тождественного со мной”, ведь “в... любви я отказываюсь от своей абстрактной личности и благодаря этому получаю ее, уже конкретную” [18, с. 64].

Сострадание как “первофеномен морали” занимает должное место в разработках А.Шопенгауэра. Сопутствующие данному явлению предусмотрительность и снисходительность в контексте реагирования на любого “Другого” он рассматривает как необходимое условие предохранения от убытков и потерь, споров и ссор. Принципиальным видится тезис философа о том, что “мы должны каждого принимать и признавать с данной его индивидуальностью, какова бы она ни оказалась” [47, с. 357]. Рассматривая специфику восприятия людьми социального статуса (собственного и визави), Шопенгауэр сетует на отсутствие целостного понимания человека как личности в комплексе характеристик, включающем и индивидуальные свойства, и социальные показатели — например должность, национальность, семейное положение.

Принцип реализации толерантных установок — “арбитража”, “доверенного лица”, “посредника” — проверялся не только в теории, но и на практике, в политической сфере. “На протяжении всей моей жизни, — писал, в частности, М.Ганди, — верность истине научила меня высоко ценить прелесть компромисса” [33, с. 231]. Использование принципа компромисса учитывало интересы разнообразных и многочисленных слоев и социальных групп индийского общества. Воззрения М.Ганди часто сопоставляют с проповедями смирения Л.Толстого, видевшего цель человеческой жизни в свободном объединении людей в общине на основе любви и выделявшего три типа социальной нравственности: первобытно-личный, семейно-государственный и христианский [48]. При условии принятия такой схемы толерантность можно анализировать как “золотую середину” между позиционными крайностями эгоизма и альтруизма.

Определенный интерес вызывают различные толкования специфики “движущих сил”, мотивации социального терпения и предпосылок врожденности или приобретенности гуманистических стремлений. Б.Спиноза в теореме № 43 своей “Этики” формулирует своеобразный закон сохранения энергии в сфере нравственности: “ненависть увеличивается вследствие взаимной ненависти и, наоборот, может быть уничтожена любовью” [18, с. 44]. Ж.Лабрюйер отмечает свойственную человеку первичную гуманистическую потребность, заставляющую людей нуждаться друг в друге и желать добра ближнему. В поисках поддержки индивиды вступают в кооперацию [46], но запутываются в противоречиях, теряя “золотую середину” при решении конфликтов.

И.Кант определял фактор, сдерживающий неуживчивую человеческую природу, как гражданский союз, хотя и рассуждал о необщительности как дисциплинарной узде, принимаемой добровольно. Именно это способствует созиданию и культуры, и искусства, и самого лучшего общественного устройства [49]. Тем не менее, сознательный выбор одиночества как образа жизни не отрицает необходимости поддерживать корректные отношения с окружающими. Кант делает вывод о терпимости как “всеобщем человеческом долге” [50, с. 350]. Соединение же народов обеспечивается, в кантовской трактовке, взаимным корыстолюбивым интересом в торговле и силой денег, устраняющих инстинкты кровожадности [49].

В XVIII–XIX веках наиболее популярными оказались идеи масонства, хотя это движение как таковое не было однородным. Три первые степени посвящения (ученик, товарищ, мастер) составляли “голубое” масонство, в обрядах и символике которого преобладали этические начала, призыв к христианской любви, равенству в Боге, смирению и религиозной толерантности [51].

В XX веке своеобразное видение мотивации человеческой любви было сформулировано в рамках одного из самых популярных на Западе направлений — психоанализа, бесспорно, повлиявшего на всю сферу социального знания. Среди его многочисленных сторонников и критиков наиболее интересными в нашем контексте представляются взгляды А.Адлера, впервые применившего к социологии теории З.Фрейда, и К.Хорни, которая считает конкуренцию всеисчерпывающей формой активности людей, центром невротических конфликтов, выявление содержания которых составляет ведущую проблему социокультурного психоанализа [52]. У А.Адлера “социальный интерес” противостоит агрессии и либидо (стремлению) и связывается с истинной и неизбежной компенсацией всевозможных слабостей личности. А К.Хорни настаивает на определении человеческих отношений как сопернических: в экономической сфере, “в семье, в отношениях между родственниками, в школе”, и даже в любви [53, с. 104]. Однако “базовому страху” конкуренции противится извечное стремление человека к безопасности и привязанности со стороны других людей. Такими же врожденными предполагали альтруистические потребности в добре и нравственности представители гуманистического направления в психологии и философии — Г.Олпорт, А.Маслоу, Ш.Бюлер [54]. Наконец, в рамках отечественной традиции сугубо человеческие, высшие функции в целом рассматривались как детерминированные социумом и свидетельствующие о факте “превращения

средств социального поведения в средства индивидуально-психологической организации” [55, с. 56].

Резюмируя приведенный выше краткий обзор интерпретаций феномена толерантности, следует подчеркнуть константы в теоретических представлениях о ее природе. Для любого периода развития человеческих сообществ оказывается закономерным рассмотрение терпимости как одного из необходимых условий гармонизации социальных отношений.

Терпимость остается нравственным “пределом” бесконечного формирования опыта взаимодействий и взаимовлияний людей. Данная ценность, как правило, не реализуется в полной мере в повседневном общении, которое устанавливает некую норму терпимости. Рассогласование идеального, декларируемого и реального, проявляемого в отношениях, приводит к поиску путей разрешения противоречия либо в смысле коррекции интерпретации нюансов социального поведения, либо в смысле коррекции методов закрепления нормы за счет социально-психологической интернализации.

Закономерно, что роль терпимости возрастает в переходные периоды в развитии общества, когда возникает необходимость достижения гражданского согласия. Более того, как замечает, например, Б.Портянкин, вследствие крупных социальных потрясений любой политической режим, основывающийся на коммунитаризме, но по сути своей индивидуалистический, вынужден изменяться всякий раз в сторону плюрализма. Таким образом, вообще весьма условным оказывается жесткое противопоставление индивидуалистического Запада и коммунитарного Востока [56].

Толерантность означает своеобразную действенность, а не пассивность, даже на уровне созерцания событий социальной реальности, ведь речь идет только о различных формах внутреннего или внешнего усилия к достижению согласия. Пожалуй, говорить о толерантности допустимо с учетом ее “поступкового” характера, предопределяющего анализ заданной ситуации, выяснение веса каждой составляющей в иерархии поведенческой мотивации, направленной на проявление толерантности в отношении с “Другим”. Достижение социальной терпимости требует особенной осторожности при учете позиций “Я” и “не-Я”.

Толерантность в малой группе: конкретно-социологическое исследование

До недавнего времени отечественная наука, согласно бытовавшим тогда идеологическим догмам, считала макросоциальные различия базовыми на пути поиска начального уровня структуры общества, а малые группы устойчиво рассматривались как второстепенные социальные элементы. Новые реалии в жизни нашего общества требовали принципиального пересмотра такого подхода.

В структурной организации общества малые группы (группы “непосредственного” контакта) являются уникальным звеном, в котором сосредоточены многочисленные и разноуровневые направления социальных отношений, и удобным для изучения объектом. В малой группе можно применить системный анализ сложных социальных процессов, проследить конкретику отражения глобальных явлений макроуровня в сознании от-

дельной личности, изучать “базовый” (психологический) механизм формирования общечеловеческих ценностей. Следует заметить, что элементарный акт общения требует наличия у субъекта навыка предвидения мнений и действий партнеров. С этим связано также осознание себя причастным к собственной социальной среде, предполагающее соотнесение перспектив “Я” и “Другого”. Анализ субъект-субъектной интеграции, который не сводится до уровня непосредственного обмена, и адекватное введение комплекса факторов-посредников делает возможным шаг к логическому объединению микро- и макросфер социальной действительности.

Важно определить механизмы формирования толерантности в системе жизненных отношений личности, ее мировоззрении. Одним из таких механизмов предполагается самопознание и становление “Я-концепции”, являющееся результатом поступательного процесса коррекции и усовершенствования человека на фоне обязательного диалогического соотношения “Я – (Мир) – Другой человек”.

Активной связкой в системе “Человек–Мир–Другой человек” выступает поступок, социальное действие. “Специфика человеческого способа существования заключена в степени соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами), в характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания и действия”, — писал С.Рубинштейн [57].

Детальнее анализируя природу поступковой реализации отношения человека к себе, связанного с отношением к другому человеку, нужно остановиться на функциях и уровнях идентификации в конкретном процессе становления взглядов личности, ее социализации. При рассмотрении содержания идентификации выделяют этапы имитации, раскрытия–интерпретации значения социальных норм, сознательного отождествления себя с социальной группой, интернализации с постепенным формированием “умения видеть в другом человеке не столько объект управления, сколько субъект взаимодействия” [58].

Формируя систему своих жизненных отношений, человек использует определенный запас схем поведения и оценки других людей — имеющиеся стереотипы, играющие “двойную” роль в этике индивида: с одной стороны, как социальный опыт, с другой — как основание для возможных ошибок в отношениях [59; 60]. Поэтому гораздо важнее создавать “динамический этический стереотип” с развитием “поступкового мышления”, предполагающего диалектический анализ индивидом другого индивида во всех его проявлениях.

Генезис толерантности связан с постепенным раскрытием сути другого человека и осознанием того факта, что он со свойственным ему своеобразием является оплотом моего собственного существования. Игнорирование “Другого” как опоры бытия “Я” приводит к самоотрицанию “Я”.

Развитие отношений между “Я” и “Другим” возможно при условии признания самобытности “Другого”. В результате “балансирования” исходных позиций в таких взаимоотношениях может проявиться преобладание определенной “крайности” — “Я” (эгоцентризм) или “Другой” (альтерцентризм). Толерантность — это творческая децентрация позиций для достижения “золотой середины” взаимодействия “Я–Другой”, это консенсус, ведущий к гармонизации отношений.

Как конкретно “работает” описанный механизм? Как его можно исследовать? Прежде всего, человек включается в поступковую сферу реализации отношений “Я–Другой–Они”. Индивид (“Я”) имеет определенную “информационную” модель ситуации (на уровне обыденного сознания) и поступает в соответствии со своими установками и стереотипами. Постепенная коррекция системы жизненных отношений осуществляется по “спирали”, каждый виток которой приближает человека к его “идеалу” благодаря формированию “концептуальной” модели отношения к жизни, другим людям, к себе. Сформировавшаяся модель реализуется в поступках. С уровня “обыденного” индивид в процессе анализа своих и чужих поступков как бы “поднимается” над конкретной ситуацией до уровня обобщения, чтобы потом снова “вернуться” на уровень “обыденный”, обогатившись новыми знаниями и чувствами. Сначала подобные рефлексийные механизмы активизируются “извне”, но постепенно индивид приобретает большую самостоятельность и выходит на новый, высший уровень оценки бытия. Содержательная сторона самопознания обеспечивается системой откорректированных стереотипов, связанных с идентификационными процессами.

Экспериментальные исследования таких сложных психолого-социальных феноменов обязательно сопровождаются образованием ряда артефактов: стохастическими расхождениями реакций-ответов респондентов, произвольными вербальными констатациями, утаиванием истинных мотивов реальных поступков и т.п. Для преодоления этих осложнений автор предлагает новую социометрическую методiku, базирующуюся на основе “формирующего эксперимента” с обратной связью. Как и в классическом варианте социометрии, тут используется ситуация игры и воображаемых схем. Новым элементом является введение в процедуру социометрии специфического литературного материала (сказки) как стимулятора рефлексии. Объективная картина иерархии статусов фиксируется на основании особенностей их оценки на фоне коммуникативных отношений в пределах малой группы. Изучить действие социальных стереотипов, способствующих развитию толерантности или блокирующих ее, можно, во-первых, по отношению к акцентированию индивидуальных этических моделей весьма замкнутой сферы взаимодействий, а во-вторых, на уровне влияния системы социокультурных институтов, предлагающих молодежи определенные образцы социального поведения.

При использовании предлагаемой методики респонденты получают задание “разыграть спектакль” с представителями группы на основе литературного сюжета (сказки), распределив “роли” режиссера, актеров, рецензента, критика и т.п. Такое задание отвечает конструкции особых творческих упражнений, содержащих элементы решения проблемной ситуации. Стереотипы толерантности не заложены в сюжет сказки, которую на первом этапе работы по данной методике должны анализировать респонденты, отвечая на ряд вопросов, касающихся оценки действующих лиц. То есть речь идет о построении этических моделей по шкале идентификации симпатии или антипатии. В классическом сказочном произведении расставлены традиционные акценты в отношении позитивности или негативности поступков персонажей. Но в литературном материале, используемом в рассматриваемой методике, подобные дихотомии заранее исключались. Отказ респондентов от поверхностных оценок характера героев несмотря на сфор-

мированые ранее стереотипы, демонстрировал определенную степень толерантности в восприятии модели, а значит, и реального “Другого”. Об источниках поиска молодежью идеалов (в плоскости толерантности или, наоборот, агрессивности) можно судить на примерах самых любимых героев, приведенных респондентами в форме открытого ответа.

Формально терпимость обусловлена характеристиками контактов в сфере взаимодействия “Я–Другой–Они”. Образцами толерантного отношения в пределах групп выступали их лидеры, воплощающие особенности внутригрупповых предпочтений. Эти представители группы определялись на основе относительно высоких и “равных” оценок в соответствии с критериями социометрии. Примером нетерпимости в отношениях являются антиподы лидеров – изолированные индивиды, находящиеся за пределами системы динамических взаимодействий. В данном контексте речь идет, собственно, об общегрупповых проявлениях. Индивидуальные выборы иногда бывают противоположными по этической ориентации, когда лидер, скажем, объективно не может претендовать на роль образца толерантности по отношению к другим членам коллектива.

Как известно, метафора кодирует компоненты социальной действительности, обобщенные в художественном сюжете, поступках действующих лиц и критериях их оценки с позиций морали определенного исторического периода развития общества. Модель жизни на экране или в книге, разумеется, не тождественна явлениям реальной жизни, но путем идентификации – определяющего механизма социализации – молодежь получает оттуда проективный опыт возможных вариантов разрешения жизненных проблем. Вообще человек может приобретать опыт терпимого восприятия людей и на примерах воображаемых моделей, и на уровне реальных коммуникативных связей.

В проведенном автором исследовании была зафиксирована следующая конкретная картина функционирования толерантности.

1. В системе межличностных отношений малой группы существует эффект нелинейной зависимости между индивидуальными и групповыми социометрическими показателями оценки статусов. Выявленные расхождения действия упомянутых ориентаций демонстрируют специфику внутригрупповой изоляции как варианта нетолерантности.

2. Эмпатия, представляющаяся основной характеристикой толерантности, оказывается для молодежи важным условием продуктивности общей деятельности (согласно выявленной автором корреляции между показателями референтности и эмпатийности). Однако существует тенденция снижения уровня корреляции между формальным (“официальным”) авторитетом и эмпатийностью, в отличие от уровня корреляции между неформальным (“неофициальным”) авторитетом и эмпатийностью.

3. Обнаруженные референтные объекты наследования, зафиксированные при помощи социометрических заданий среди проективных образцов, предлагаемых искусством и взятых из других источников, воссоздают закономерности ориентации молодежи на типичные идеалы субкультуры. Эти идеалы формируют систему этических взглядов, в частности толерантности. В целом недопустима однозначная оценка социально-этического содержания названных моделей, поскольку влияние информационного материала средств массовой коммуникации не вызывает ни явно агрессивных,

ни априорно толерантных реакций молодежи. Заметим также, что среди специалистов нет единого мнения по поводу трансформации заданных концептуальных схем информационного пространства в определенные, полностью прогнозируемые варианты реакции.

Выводы

Толерантность имеет природу нравственного идеала, формирующегося в результате исторического отбора правил сосуществования, норм поведения и переходит на уровень мировоззренческих позиций в сознания субъектов взаимодействия. В законах функционирования толерантности закодировано единство рационального, эмоционального и деятельностного компонентов социального поведения.

Развитие человеческой культуры доказывает, что терпимость как нравственное основание для построения отношений между людьми всегда сохраняла свою значимость. Объективные законы человеческого мира требуют соблюдения определенных правил корректного поведения на различных уровнях человеческих отношений.

В истории человечества весьма распространено декларативное провозглашение гуманистических идеалов, однако конструирование образцов социального поведения, как известно, не сопровождается массовым соблюдением предписаний. Поэтому представляется вполне закономерным несогласованность между декларативным и реальным, поступковым, вариантом принятия такой ценности, как толерантность. Для разрешения этого противоречия существует несколько условий, среди которых важнейшими являются активная пропаганда толерантности на уровне культурных традиций общества; познание особенностей восприятия этических моделей (в частности, в молодежной среде); использование известных социально-психологических механизмов закрепления толерантности.

Особое внимание заслуживает молодежь, и прежде всего – ученическая и студенческая. Изучение специфики мировоззрения, поведения личности и сложных межличностных отношений в молодежной среде должно стать важным шагом в решении проблем будущего страны в плане социально-культурного возрождения.

Литература

1. Швачко Е.В. Микросоциологическое исследование феномена идентификации у подростков // Актуальные вопросы теории и практики в социологии : Материалы Второй Московской конф. — М., 1990. — С. 73–74.
2. Швачко Е.В. О микросоциологических аспектах глобальных проблем // Актуальные вопросы теории и практики в социологии : Материалы Всесоюзной науч.-практ. конф. — М., 1991. — С. 57–58.
3. Швачко О.В. Дослідження процесу самопізнання при формуванні толерантних відносин у підлітків // Проблеми соціальної психології. Вип. 1. — Київ, 1992. — С. 81–85.
4. Швачко О.В. Актуалізація толерантності як спосіб запобігання конфліктній ситуації // Природа, феноменологія та динаміка конфліктів в сучасному світі : Матеріали Міжнародної науково-практичної конф. — Чернівці, 1993.— Ч.2. — С. 152–153.

5. Швачко О.В. Цінність толерантності в молодіжній свідомості (досвід мікро-соціологічного дослідження). — Дис. ... канд. соціол. наук. — К., 1993.
6. Швачко О.В. До проблеми мікрорівня організації соціальної структури // Проблеми розвитку соціології на сучасному етапі. Теоретичні та методичні питання. — К., 1994. — С.49–51.
7. Швачко О.В. Толерантність як фактор запобігання міжособистісних конфліктів у малих групах молоді, що навчається // Молодь і проблеми конфлікту в період переходу до демократичного суспільства : Матеріали Міжнародної молодіжної наук.-практ. конф. — Чернівці, 1994. — Ч.1. — С. 260–262.
8. Швачко О.В. Об'єктивація толерантності як чинник розвитку особистості // Ментальність. Духовність. Саморозвиток особистості : Матеріали Міжнародної наук.-практ. конф. — Київ; Луцьк, 1994. — С.574–576.
9. Швачко О. Субкультурні орієнтації молодіжного середовища // Український світ (Українська родина). — К., 1995. — Вип.4–6. — С. 41–42.
10. Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В. Социальные идентификации и идентичности. — К., 1996.
11. Швачко Е.В. Так формируются стереотипы... (опыт социально-психологического исследования рейтинга идентификационных предпочтений) // Журнал практикующего психолога. — Киев, 1997. — Вып.3. — С. 147–151.
12. Швачко О.В. Соціально-психологічні складові людської злагоди: ідентифікація, рефлексія, толерантність : Матеріали Всеукраїнської наук.-практ. конф. — К., 1999. — С.186–190.
13. Швачко О.В. Особистість в малій групі // Проблема особистості в сучасній науці: результати і перспективи досліджень : Збірник доповідей Третьої Всеукраїнської наукової конф. — К., 2000. — С. 40–42.
14. Швачко Е.В. Толерантность как социальная ценность // Практическая психология. — 2000. — № 5.
15. Краткий психологический словарь. — М., 1985.
16. Современная западная социология : Словарь. — М., 1990.
17. Коржева Э.М. Социологическая теория познания Э.Дюркгейма // Из истории буржуазной социологии XIX–XX веков. — М., 1968. — С. 22–47.
18. Философия любви. — М., 1990.
19. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. — М., 1978.
20. Маркс К. Нищета философии. — М., 1987.
21. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. — Собр. соч. — Т. 42. — С. 41–174.
22. Энгельс Ф. Шмидту К. от 27.X.1890. — Собр. соч. — Т. 37. — С. 415–420.
23. Энгельс Ф. Лаврову П.Л. от 12–17.XI.1875. — Собр. соч. — Т.34. — С.135–138.
24. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
25. Роменець В.А. Історія психології Стародавнього світу і Середніх віків. — К., 1983.
26. Чаньшиев А.Н. Курс лекций по древней философии. — М., 1982.
27. Современная западная социология. — М., 1990.
28. Della Fave L.R. The Meek shall not inherit the Earth: Self-Evaluation and the Legitimacy of Stratification // American Sociological Review. —1980. — 45. — № 6. — P. 955–971.
29. Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения // Социологические исследования. — 1991. — № 2. — С. 106–114.
30. Мартышин О.В. К характеристике социальных идеалов гандизма // Вопросы философии. — 1965. — №1. — С. 95–107.
31. Философский словарь. — М., 1986.
32. Шапошникова Л. Мудрость веков // Наука и религия. — 1989. — № 10. — С. 29.

33. *Меликов В.В.* Неиндуизм: протяженная двойственность (религиозно-философские и социально-политические интерпретации Вивекаманды и Ганди) // Философия и религия на зарубежном Востоке: XX век. — М., 1985. — С. 222–237.
34. *Зиммель Г.* Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Социологические исследования. — 1984. — № 2. — С. 170–178.
35. *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. — М., 1977.
36. *Липсет С.* Политическая социология // Социология сегодня: проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. — М., 1965. — С. 119–149.
37. *Сковорода Г.* Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати... — К., 1983.
38. *Соловьев Вл.* Смысл любви. — К., 1991.
39. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. — М., 1992.
40. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. — М., 1987. — С. 208 – 211.
41. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. — М., 1985.
42. *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. — М., 1984. — С. 173–179.
43. Социология и проблемы перестройки. — Л., 1988. — Ч. 2.
44. *Буева Л.П.* Утверждая гуманистическую сущность социализма // Полит. образование. — 1989. — № 4. — С. 10–17.
45. *Джафарли Т.М.* Из истории домарксистской этической мысли. — Тбилиси, 1970.
46. *Роменець В.А.* Історія психології XVII століття. — К., 1990.
47. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность. — М., 1992.
48. *Мелешко Е.Д.* Место этики в мировоззрении Л.Н.Толстого // Очерк истории этики. — М., 1969. — С. 53–59.
49. Антология мировой философии : В 4-х т. — М., 1969. — Т.3.
50. *Кант И.* Из лекций по этике // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. — М., 1990. — С. 297–322.
51. *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. — М., 1986.
52. *Роменець В.А.* Історія психології. — К., 1978.
53. *Хорни К.* Культура и невроз // Психология личности. Тексты. — М., 1982. — С. 97–105.
54. *Зайгарник Б.В.* Теория личности в зарубежной психологии. — М., 1982. — С. 97–105.
55. *Выготский Л.С.* Социальный генезис высших психических функций // Собр. соч. : В 6-ти т. — М., 1984. — Т. 6. — С. 55–56.
56. *Портянкин В.А.* Размышления о макро- и микросоциологии // Социологические исследования. — 1992. — № 1. — С. 116–118.
57. *Рубинштейн С.А.* Проблемы общей психологии. — М., 1973.
58. *Український Я.І.* Про етапи та рівні процесу ідентифікації // Питання філософських наук. — 1982. — № 14. — С. 61.
59. *Батыгин Г.С.* Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация // Социологические исследования. — 1980. — № 4. — С. 102.
60. *Русина Н. А.* Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопросы психологии. — 1981. — №5. — С. 96–105.